
Владислав БАЧИНИН

АНТИ-НИЦШЕ:
идея «смерти» Бога
как продукт троллинг-стратегии

Статья четвертая.
Катастрофическое существование
в условиях «смерти» Бога

**С. Кржижановский о глобальных последствиях
«смерти» Бога**

Со вступлением человечества в XX век опыт жизни под покровительством и защитой Бога, которым прежде обладали миллионы людей, остался в прошлом. Его сменил процесс накопления опыта жизни без Бога и без Его защиты. Тексты Ницше активно участвовали в этом процессе, подводя читателей к мысли о том, что в условиях «смерти» Бога жизнь человека, цивилизации, культуры вполне возможна. Но оставался вопрос в том, что это будет за жизнь и чего в ней будет больше — благословений или проклятий, живого или мертвого, созидания или разрушений? И не обернется ли «смерть» Бога смертью культуры, цивилизации, гибелью осиротевшего и духовно обессилевшего человечества?

Прежде чем перейти к теоретическому анализу темы существования в условиях «смерти» Бога, рассмотрим в две картинки, две художественные зарисовки на эту тему. Первая — это миниатюрная новелла Сигизмунда Кржижановского «Бог умер»¹, помогающая прояснить суть ницшевской «злой вести». Но вначале несколько слов об авторе.

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор, Окончил философский факультет ЛГУ и аспирантуру Института философии РАН. Автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I—IV (2003—2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Постоянный автор журнала «Нева». Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии). Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов: повести, рассказы. М., 1991. С.200—207.

Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887—1950), одаренный большим талантом литератор-философ, поляк по крови, выпускник Киевского университета, мало публиковался при жизни. Спустя много лет, уже после смерти он был назван «прозеванным гением». Однако, конечно же, он не был «прозеван». Его, как и очень многих, втоптал в социальную ничтожность сталинский режим. Тем не менее он чудом выжил, духовно выстоял и сохранил свой талант. До нас дошла лаконичная автохарактеристика Кржижановского, свидетельствующая о незаурядной силе его ума и духа: «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность». В наше время его тексты-фантазмагии вполне заслуженно ставят в один ряд с произведениями А. Платонова и М. Булгакова, Ф. Кафки и Х.-Л. Борхеса.

Крохотная миниатюра «Бог умер» (1922) представляет собой стилизацию полноценного литературного теоморта, созданного с помощью великолепного языка. Обладающий высокими художественно-философскими достоинствами, он дает богатую пищу для размышлений.

Новелла рождает у читателя внутренний диссонанс. С одной стороны он видит однозначность позиции автора, для которого, казалось бы, «Бог умер» в самом деле. Дата (1922 год) и место написания миниатюры (Москва) только укрепляют впечатление прочной задекларированности авторского атеизма. Однако в тексте, кроме прямых суждений о «мертвом Боге», присутствует общий стиль, и тон авторского повествования, свидетельствующий о том, что вселенская онтологическая катастрофа «смерти Бога» не вызывает у новеллиста ни малейшей радости. На это указывают виды реакций на совершившееся, выказываемые главными героями. Лондонский профессор-религиовед, ученый-астроном из Гринвичской обсерватории и талантливый поэт далеко не в восторге от того, что произошло. Их реакции не похожи на ликования атеистов. То, с чем столкнулось человечество, говорит о каком-то невероятном, дотоле не виданном сбое во всей системе миропорядка.

Новелла выстроена как небольшая гирлянда из самостоятельных и вместе с тем внутренне связанных между собой мизансцен. Действие происходит в 2024 году.

Сцена первая. На небесах

Все начинается с безрадостной констатации: то, о чем когда-то разглагольствовал один известный философ (имеется в виду Ницше), свершилось: Бог умер. На небесах паника, ангелы заволновались, боясь взглянуть туда, где еще недавно пребывал Бог. «Пустота зародилась и ширилась черной ползучей каверной там, где был Он, развернувший пространства, бросивший в бездны горсти звезд и планет». На Его месте образовалось черное, холодное, мертвое Ничто.

Сцена вторая. Лондонский кабинет профессора-религиоведа Томаса Грэхема

Престарелому ученому, профессору кафедры истории религиозных предрассудков потребовалась одна важная старинная книга. Но она странным образом исчезла из его шкафа. Все обыскав и почувствовав, как расстроился привычный порядок его ученой, кабинетной жизни, он крайне огорчился и раздраженно пробурчал: «Бог знает, куда она девалась». Далее следует авторская ремарка: «Но Бог не знал, куда девалась книга мистера Грэхема, даже этого. Он был мертв».

Сцена третья. Гринвичская обсерватория

Астроном мистер Брудж, завершающий обычное ночное наблюдение, обнаруживает, что из созвездия Скорпиона напрочь исчезла одна звезда. После тщетных поисков и тревожных раздумий он покидает обсерваторию, и когда он поворачивал ключ в дверях, рука его чуть-чуть дрожала.

Сцена четвертая. Комната прославленного поэта

Виктор Ренье сидит за рабочим столом, под зеленым абажуром и пишет. Рифмы сами соскакивают с кончика пера, щеки горят румянцем. Муза дарит ему вдохнове-

ние и острое чувство чистого и блаженного счастья. «И вдруг — что за черт? — мягкий толчок в мозг, — и все исчезло, от вещи до вещи, будто свеянное в пустоту. Правда, ничто не шевельнулось: все было там, где было и так, как было. Но из всего — пустота: будто кто-то, коротким рывком выдернул из букв звуки, из лучей свет, оставив у глаз одни мертвые линейные обводы. Было все, как и раньше, и ничего уже не было... Поэт глянул на рукопись: буквы, из букв слова, из слов строки. Вот тут пропущено двоеточие: поправил. Но где же поэма? Огляделся вокруг: у локтя — раскрытые книги, рукописи, зеленая шляпка лампы; дальше — прямоугольники окон: все — есть, где было, и вместе с тем нет. Ренье зажал ладонями виски. Под пальцами дергался пульс. Закрыв глаза и понял: поэзии нет. И не будет. Никогда».

Сцена пятая. Общая панорама происходящего

Наступила роковая ночь, когда первый черный луч из бездны Ничто, оставшейся после умершего Бога, достиг Земли. Сначала умерла поэзия. Поэт Ренье окунул стальное перо в баночку с ядом и проколол им кожу: этого было достаточно. В это же самое время уже разрывались и спутывались орбиты соседних планет. Небо пустело, воцарялась полная тьма. Телескопы понапрасну обыскивали черную бездну, пробуя изловить хоть один звездный блик. Холодеющая Земля погружалась в вечные сумерки. Тысячи глаз, поднятые в небо, пытались отыскать там Бога. Но тщетно. Он был мертв.

Перед нами яркий художественный эксперимент с опытом буквального понимания мысли о смерти Бога. Автор изображает эту смерть как действительно состоявшееся вселенское событие. Однако, исследуя воображаемую жизнь землян в условиях смерти Бога, он движется совсем не за Ницше, а в противоположном направлении. Он рисует картины, рассказывающие о том, что эта смерть является для человечества сверхкатастрофой, концом света с гибелью не только истинной поэзии и высокой науки, но и всего сущего.

Печальная история поэта Ренье, утратившего сразу же после смерти Бога свой творческий дар, как бы, предваряет ситуацию середины XX века, когда прозвучат слова Теодора Адорно о том, что после шока Освенцима невозможно писать стихи. У Адорно мы видим всего лишь усеченный вариант тезиса Кржижановского. Убрав фундаментальную причину тотальной творческой катастрофы, умалчивая о «смерти» Бога, он оставляет лишь концовку причинно-следственной связки — истребительные печи Освенцима. Но даже в урезанном виде эта мысль произвела сильнейшее впечатление на современников.

То, что у Ницше выглядит «развратительной идеей», безответственной фантазией, представлено Кржижановским как начало космической трагедии умирания человечества, Земли, Вселенной.

Следует отдать должное таланту писателя: его метафизическое фэнтези обнажает еще одну коварную подмену Ницше, преподнесшего грандиознейший предапокалиптический катаклизм в виде глумливого философского фарса, не вызывающего у его поклонников никаких особых чувств, кроме остренького, с оттенком скандальности, любопытства.

В фантастической новелле Кржижановского изображено только начало вселенского катаклизма. Полная его картина представлена в Книге пророка Исайи: «Вот идет день Господень, пылая гневом и яростью; жестокий то будет день: обратит он землю в пустыню, сметет с нее всех грешников. Погаснут на небе звезды, померкнут созвездия дальние, тьма закроет восходящее солнце, и луна не даст света. Я взыщу с этого мира за зло его, с нечестивцев — за их преступления, положу конец высокомерию гордых, осажу гордыню безжалостных. Соделаю так, что легче будет добыть золото, чем сыскать на земле людей; будут они драгоценнее золота офирского. Небеса Я тогда поколеблю, содрогнется земля от ярости Господа Воинств, сдвинется с места она в тот день, когда Его гнев воспыхает» (Ис. 13, 9—13).

То есть планетарный катаклизм не есть нечто, развертывающееся само собой. Господин Земли не может никуда исчезнуть, и сверхкатастрофа — это возмездие нечестивцам за совершенное ими «мыслепреступление», за то, что они сделали то, что хотели — совершили свое воображаемое богоубийство и обрадовались ему.

Итак, обозначились две исторические и экзистенциальные вехи в истории теоморта. Если первая передает смятение человека, вообразившего возможность смерти Бога-Отца, то вторая свидетельствует об ужасе, накрывшем человечество в результате действительно совершившейся Его смерти. Что же касается Ницше, то его фигура соединила XVIII и XX столетия, удалив из идеи «смерти» Бога весь фантазмагорический фермент и превратив ее в ключевую философеу-идеологему социокультурной жизни позднейшей модерности, в базовый экзистенциал массового человека XX века.

Теперь о второй литературно-художественной картине. Автор романа «Преступление и наказание» рассказывает в эпилоге о ночном кошмаре больного сибирского каторжника Родиона Раскольникова. Самое удивительное заключается в том, что сон оказался пророческим. За несколько десятилетий до XX века появилось изображение того, что произойдет с многомиллионными народами, потерявшими вместе с Богом все свое здравомыслие, переставшими различать добро и зло, обезумевшими и двинувшимися навстречу своей гибели. Вот он, этот пророческий сон: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшестввовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса»².

Здесь все выглядит гораздо страшнее, чем у Кржижановского, где мы видим начало мировой трагедии. У Достоевского изображено по-настоящему пророческое видение с переизбытком ужаса. Мы-то знаем, что реальность XX столетия оказалась именно такой, то есть буквальным воплощением раскольниковского горячечного бреда.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 6. Л.: Наука. 1973. С. 419—420.

Почему исторический процесс так и не превратился в нравственный прогресс, на который рассчитывали такие авторитетные атеисты, как французские философы-просветители XVIII века и марксисты XIX—XX веков? Почему зло, повсеместно бесчинствующее в мире, неистребимо, обладает невероятной искусительной силой и не собирается покидать историческую сцену? Почему, «избавившись» от Бога, человек не стал лучше, а оказался в условиях все более сгущающейся тьмы и безысходности? Что делать? Во что верить? На что надеяться?

Да, совершилось то, чего желали очень многие: Бог «умер». Но вопросы, которые называли «вечными», «проклятыми», встали преградой на пути у фаустовско-мефистофелевского человека, не позволяя ему пройти в «светлое будущее». Оказалось, что идея «смерти» Бога — это пропуск в пустоту, но не физическую, а метафизическую, смысловую, ценностную, экзистенциальную. Это идея провала не в сферу свободы от всего и вся, а туда, где нет *ничего*, ни свободы, ни необходимости, ни смыслов, ни бессмыслиц, ни добра и зла, ни истины и лжи, ни различий между ними, где *все равно* и *все позволено*. Там не на что опереться ни мышлению, ни воображению, ни смыслам, ни ценностям, ни нормам. Там нет ничего по-настоящему живого, поскольку живое не может пребывать в пустоте, питаться пустотой, развиваться в пустоте. А там, где нет живой жизни, воцаряется мертвая смерть. Потому пустота — эквивалент тотальной смерти, абсолютного небытия.

Учитывая это, не следует упускать из виду, что метафизическая пустота субъективна и не способна существовать за пределами человеческого воображения. Но поскольку в мире, не терпящем и не допускающем пустоты, она все-таки возникает и заставляет говорить о себе, то необходим код доступа в образуемое ею проблемное пространство. Роль такого кода и выполняет идея «смерти» Бога. Она также соединяет в себе несоединимое — объективную реальность живого, бессмертного триединого Бога с субъективным измышлением о Его мнимой смерти. Философский рассудок Ницше задекларировал акт подобного абсурдного соединения и тем самым создал дьявольскую ловушку для всех, кто поверил в правомочность подобной умственной процедуры. Приняв невозможное за истину, они провалились в пустоту прижизненного духовного небытия, в духовную смерть, оседлавшую их физическую, плотскую жизнь и направившую ее по наклонной магистрали, отмеченной вехами самообмана, греха, дьявольщины, смерти и inferno.

«Бич Божий» как шквал катастроф

Слова Ницше «Бог умер», обращенные *urbi et orbi*, прозвучали как главный меседж великого интеллектуального инквизитора. И хотя эта злая весть была услышана и принята очень многими, обращает на себя внимание примечательный парадокс. Ведь по своей сути идея «смерти» Бога — это чистейшая фикция. Но присущая ей нулевая степень достоверности не помешала ей стать чем-то из ряда вон выходящим по своим духовным последствиям. Эффект ее действительности оказался сокрушителен. Ее экзистенциальный негативизм обнаружил силу, которую можно приравнять разве что к силе ядерного взрыва огромной мощности. Потомки Адама и Евы, некогда обманутых эдемским змием, и на этот раз обманулись, поверив ложному утверждению и приняв за правду злонамеренный обман о «смерти» бессмертного Творца. История человечества, начавшаяся с дьявольского обольщения ложью, свернувшая в неблагоприятное русло нескончаемых трагедий, теперь, спустя тысячелетия, грозит завершиться сверхкатастрофой из-за аналогичного обольщения и соращения дьявольской ложью о якобы «умершем» Боге.

Излишне доверчивые потомки эдемской пары вновь выказывают предрасположенность к тому, чтобы доверять сатане больше, чем Богу. В результате они оказались беззащитны перед безумными химерами, растлевающими иллюзиями, дьявольскими фантазмами секулярных умов, рискнувших запустить отрицательный отсчет неумолимо истекающего времени земной истории.

Тут есть над чем задуматься. На всех поверивших в правдивость известия о «богоубийстве» и о невероятно раздвинувшемся пространстве свободы легла печать проклятия. Как будто через Ницше прозвучало заклятие злого духа, воздействующее на всех по-разному, но всегда сугубо отрицательно.

Среди тех, кто всерьез размышлял над идеей «смерти» Бога, были трезвые умы, признававшие, что это «событие» следует считать самым худшим из всего, что могло случиться с человечеством. Однако XX век показал, что в действительности все оказалось еще хуже и страшнее. Открылась бездна, в которую заглянули миллионы людей, и на смятенную коллективную душу человечества накатило ощущение ужаса. Самым же чудовищным оказалось то, что эта бездна не заставляет бежать от нее изо всех сил, но совсем напротив — притягивает к себе умы и души этих миллионов с неослабевающей, все более возрастающей силой. В этом притяжении, оборачиваемом волей к смерти, присутствует явный мистический, демонический фермент. Так действует проклятие, нависшее над человечеством подобно гигантской, планетарной Силоамской башне, накренившейся и готовой вот-вот рухнуть. Над руинами веры готова вот-вот зазвучать мировая «фуга смерти». И это походит на приближающееся возмездие за богоубийство.

Идея «смерти» Бога оказалась не столь безопасной, как многим думалось поначалу. Требуется внимательное разбирательство с нею. Но ни богословская, ни философско-гуманитарная мысль не спешит углубляться в нее.

На первых порах широкого обнародования идея «смерти» Бога насторожила многих своей отнюдь не расхожей, шокирующей формулировкой. Однако очень скоро настороженность сменилась радостью. Реакция большинства оказалась в чем-то похожей на то, как древние евреи повели себя у подножия горы Синай после длительного отсутствия пророка Моисея. Они, как известно, недолго тревожились и печалились. Быстро возникла альтернативная идея замены Бога, Который, как им казалось, потерялся вместе с Моисеем. Это был план Его замены идолом — золотым тельцом. Люди не понимали, насколько безжизненной и бесперспективной была эта мысль. Отказаться от живого Бога, Который вывел их из египетского рабства, был спасителем, путеводителем, защитником, чтобы поклониться мертвому металлическому истукану, а затем тащить его на себе по жаркой пустыне, изнемогая под его тяжестью и обливаясь потом, было безумием.

Реакция Бога оказалась предельно категоричной: Он разгневался на неблагодарность, измену, отступничество и едва не истребил идолопоклонников. Моисей с трудом умолил Его не карать весь народ. В результате погибла лишь малая его часть, самые ярые из отступников: «Встал тогда Моисей у входа в стан и возгласил: „Кто за Господа — ко мне!“ И собрались вокруг него все сыновья Левия. Моисей сказал им: „Так говорит Господь, Бог Израиля: «Возьмитесь за мечи и пройдите по всему стану, из конца в конец; убейте каждого отступника, любого, кто бы ни был он — брат ли ваш, друг или сосед»“. И сыновья Левия сделали, как повелел Моисей. До трех тысяч человек погибло в тот день из народа израильского» (Исх. 32,26–28). Бог многое прощает людям, но к предателям у Него особое отношение.

Ницше и его единомышленники, безумцы-богоборцы, не могли, разумеется, буквально образумить Бога-Отца, вечного, бессмертного, недостижимого для поруганий (Гал. 6, 7). Но есть множество людей, для которых Его голос умолк, которые от-

странились от Него, потеряли Его из виду, забыли о Нем и стали жить так, будто Он никогда не существовал. Он же в Свою очередь лишил их своего попечения и защиты, оставил наедине с их дьявольскими мыслями и порочными страстями, не стал препятствовать их движению по пути самоуничтожения, допустил истребление зла злом.

Народы XX века, индивиды и массы, вообразившие, что Бог умер, погибали сотнями тысяч, миллионами и десятками миллионов, а Он тем временем с грустью смотрел на горькую и бесславную судьбу тех, кто избрал не благословение, а проклятие, отвернулся от Него, отказался от Его покровительства и защиты. Для них, начавших привыкать жить среди руин своей веры, повреждений совести, разрывов ума и разломов экзистенций, уже не существовало Небесного Царства. Они обменяли его на «небо оптовых смертей» и при взглядах вверх видели только разверзшуюся пустоту, раскрашенную атомными грибами и дышащую гибелью.

Ницшевская философия «смерти» Бога маркировала окончательный разворот европейского сознания в антихристианскую сторону и внушала мысль о том, что с идеей «Бог мертв» вполне можно жить. Подобно тому как матрос-подводник преспокойно спит в своем кубрике рядом с убийственной торпедой, располагающейся в нескольких сантиметрах от него, так и человек XX века принял альтернативу прежней веры как неизбежный фактор своего существования, не думая о том, какой смертоносной силой обладает этот богоборческий экзистенциальный негатив.

Фаустовский человек, не пожелавший принять Бога благого и милостивого, совершивший все мыслимые и немыслимые просчеты, создал всю сумму условий того, чтобы отвергнутый, попранный, «убитый» им Бог явился ему и всему человеческому роду грозным и карающим Господом Воинств, удерживающим в Своей руке бич Божий, который с середины XX века обрел вид ядерного бича.

Мирозерцательные последствия

Каждый уверовавший человек проходит в своей духовной жизни через решающий рубеж, когда вопрос о бытии Бога перестает для него быть вопросом, а становится аксиомой. Однако в ходе мировой истории христианские цивилизации движутся в противоположном духовном направлении. Аксиома бытия Бога, непреложная когда-то для большинства людей, перестает быть аксиомой и снова превращается в вопрос. Право на деструктивное сомнение и неверие обретает легитимность, отбрасывает гуманистический камуфляж и начинает действовать как воинственная демоническая структура, работающая на расширение ареалов духовных катастроф, на углубление великой христианской депрессии. Катастрофы становятся реальностью не только для веры, но и для разума, для мысли, в том числе для мысли философствующей, принявшей все-речь идеи молчания и «смерти» Бога. Когда один из философских кумиров XX века Мигель де Унамуно решил, что с Богом можно не церемониться, то на волне запанибратских умонастроений он зарифмовал иронический оксюморон, названный им «Молитвой атеиста»:

Господь несуществующий! Услышь
В своем небытии мои моления:
Ведь Ты всегда подарешь утешенье
И кроткой ложью рану исцелишь.

Когда нисходит в мир ночная тишь
И мысль вступает с вымыслом в боренье,
Надежду отгонишь ты сомненье,
Свое величье сказкой подтвердишь.

Ты так велик, что миру не вместить
Величья твоего. Ты — лишь идея,
А я за это мукою своею,
Своим страданием обречен платить.

Бог выдуман. Будь ты реален, Боже, —
Тогда б и сам я был реален тоже.

В последних строках ернический настрой, однако, угасает. Его сменяет трагическая констатация: если Бога нет, то нет и меня; если Бог «умер», то и я духовно мертв. За стихом, начавшимся как попытка поиронизировать над Создателем, разверзается личная экзистенциальная драма души, почувствовавшей горький вкус пустоты. Эта провокативная миниатюра напоминает молитву описанных когда-то Вл. Соловьевым русских сектантов-дыромоляев, представителей извращенного типа верований, деревенских мужиков, проверчивавших сверлом дыру в углах своих изб, а потом молившихся: «Дыра моя, спаси меня!»

Пустота, оказывается, может быть манящей как для дремучей души, не знающей истинного Бога, так и для все перепробовавшего и успевшего всем пресытиться рафинированного интеллектуала, о котором можно сказать словами Кнута Гамсуна: «Он сидит здесь между своими ушами и слушает истинную пустоту».

Склонность к рассуждениям о «мертвом» Боге присуща в основном тем, кто не знал живого Бога, не имел с Ним личных отношений, не испытывал к Нему никаких чувств и обязательств. Именно они приняли за чистую монету безумный клич Ницше о том, что Бог якобы умер.

Для чего им была нужна эта «смерть»? Почему они жаждали ее? Что составляло истинный смысл их ожиданий? В чем состоял их интерес? Ответить на эти вопросы значило бы приблизиться к разгадке сути разительной трансформации мировой теодицеи в мировой теоморт и превращения последнего в безосновное основание мыслительной деятельности создателей культуры позднейшей модерности и ранней постмодерности.

Оказалось, что задекларированное Фридрихом Ницше «богоубийство» — это не единовременный акт, а длящийся процесс и что каждый интеллектual вынужден определяться со своим отношением к нему. И как это не прискорбно, но идущим следом за автором «Заратустры» властителям дум XX века Фрейду, Хайдеггеру, Юнгу, Фуко, Альтицеру, Делезу, Гваттари и др. оказалась присуща готовность участвовать в длящемся «богоубийстве», принять на себя роль палачей, исполняющих смертный приговор, вынесенный Богу философствующими судьями. И поскольку Бог был для них не Личностью, а всего лишь идеей внешней детерминации-причинности, то расправа над Ним не предполагала никаких кровавых сцен, никаких особых эмоциональных затрат, а выглядела всего лишь как кабинетная динамика движений руки, державшей авторучку или пляшущей по клавиатуре пишущей машинки.

Между тем, пока богоборцы продолжают мысленно казнить Бога, Он остается жив и продолжает присутствовать в личной жизни, культуре, нравственности миллионов людей, которые это присутствие чрезвычайно ценят и без него не мыслят своего существования. Они не считают Бога препятствием на пути проявлений своей свободной воли. Напротив, Он для них — главное условие их свободы и жизни, без которого никакое дело не может состояться.

Философские, психологические, художественные теоморты с «мертвым» Богом укаывают не на переоценку ценностей, как того хотели бы Ницше и Хайдеггер, а на их аннигиляцию. Оторвать человека от Бога такое же безумие, как «отцепить Землю от

Солнца». Земля в этом случае, разумеется, погибнет, в отличие от Солнца, и человек разрушится, в отличие от Бога. И не будет никаких переоценок, поскольку то, что является собой теоморт, не может считаться демонстрацией «новых» ценностей, сменивших «старые». «Черный квадрат» Малевича невозможно поставить в один ряд с «Возвращением блудного сына» Рембрандта и относиться к нему как к художественной ценности. Печи Освенцима не могут считаться ценностями цивилизации, аналогичными, скажем, тем голландским печам, в одной из которых когда-то отогревался Рене Декарт.

Переживания фаустовским человеком собственной включенности в ситуацию «смерти» Бога заставили его изменить картину мира, модели жизни, общества, культуры, а также его отношение к себе, своей витальности, социальности и духовности. Приобретаемый им предельный экзистенциальный опыт оказался отрицательным, деструктивным. Потому из него стали вырастать химерические философско-психологические конструкции психоанализа, безутешная философия абсурда Альбера Камю, деморализующий экзистенциализм «Тошноты» и «Бытия и ничто» Жана Поля Сартра, эскапистские идеи нескольких поколений европейских интеллектуалов-постмодернистов, ни в чем не нашедших утешения и довольствовавшихся сооружением постметафизических замков из песка и философских убежищ из ментальной соломы и глины.

Это было неизбежно, поскольку новые доктора фаустусы, сохранившие привычку к философствованию, так и не смогли отыскать в формуле «смерти» Бога ни малейших признаков истинности. А поскольку в ней не было конструктивного духовного, этического, экзистенциального потенциала, то интеллектуалам приходилось вольно и невольно обманывать себя и других, сочинять личные мифологии и демонодицеи.

Для тех, кто имел слабое духовное здоровье, травмирующее воздействие идеи «смерти» Бога оказалось смертельным, так что они стали духовно погибать от полученных травм, несовместимых с нормальной духовной жизнью и подлинным творчеством. У многих ученых, гуманитариев, философов, писателей, художников эта идея парализовала их высшие творческие способности и функции. У них стала угасать созидательная сила мысли, тускнеть и омрачаться творческое воображение. Не случайно мир уже перестал удивляться, что в XX—XXI веках напрочь исчезли художественные и гуманитарно-философские гении, которых можно поставить в один ряд с Данте, Бахом и Достоевским. Основная же масса «читателей газет» просто захлебнулась пустотой богооставленности и стала превращаться в социальные конгломераты из аморфных «живых трупов», с которыми демоны государственности могут делать все, что им заблагорассудится.

Но самым чудовищным оказалось то, что очень многие с большим воодушевлением восприняли злую весть о «смерти» Бога, поскольку она развязывала им руки. Поняв, что ни о каком завете с Богом не может быть и речи, они незамедлительно принялись заключать личные сделки с дьяволом, чтобы сделать жестокую, агрессивную вседозволенность, которую они называют свободой, своим главным орудием в борьбе за место под черным солнцем богооставленного мира.

Экзистенциальные катастрофы

Вера всегда служила чем-то вроде лестницы, по которой человеческий дух взбирался ввысь, устремлялся к Богу. Если лестница падала и ломалась, то Бог становился недосягаем, а расстояние между Ним и человеком, лишившимся веры, — непреодолимым. Внутри личности происходил общий слом всего строя ее прежней духовной и практической жизни. В. Франкл писал в своей книге «Психолог в концлагере» о том, что духовный надлом узника совершался тогда, когда он утрачивал футуристическую

перспективу, терял образ будущего и надежду на спасение. Подобная модель недолжного духовного состояния позволяет понять суть духовных метаморфоз, происшедших с миллионами людей, поверивших в то, что Бог «умер». Вместе со «смертью» Бога перед ними закрывались футуристические перспективы, исчезали надежды на спасение. Детрансцендированная реальность уже не предполагала ничего обнадеживающего. На передний план выдвигался образ неминуемой физической смерти. Неотступные мысли о ней с силой ударяли по всем антропологическим клавишам и радикально меняли структуры витальной, социальной и духовной жизни человека, превращали его в обреченного смертника, ожидающего казни.

Так совершались трагические экзистенциальные катастрофы, чью глубинную суть весьма точно выразил безымянный капитан из «Бесов» Достоевского, заявивший, что если Бога больше нет, то какой он после этого капитан. Эта внешне простодушная, но экзистенциально глубокая констатация свидетельствовала о двойном обвале в обоих мирах, внутреннем и внешнем, включая и душу капитана, и его наружное капитанство.

Достоевскому вторила Анна Ахматова, сумевшая передать состояние опустошенного духа, осознавшего состояние возникшего экзистенциального вакуума:

Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни.

Надеясь на бросок в беспрецедентную свободу, человек провалился в беспрецедентное рабство. За «свободу» от Бога он заплатил рабством в плену убивающего душу греха, неотступным игом под властью демонического с его пороками, преступлениями и ужасом смерти.

Лишив себя возможности общения с триединым Богом как фундаментальным условием здоровой духовной жизни, здорового экзистенциального самочувствия и самосознания, человек уже ничем иным не мог заменить это общение и потому лишился способности к духовному выживанию. Обезбоженная им самим реальность оказалась для него же самого беспощадно убийственной. При этом одна из удручающих особенностей произошедшей катастрофы заключалась в том, что последняя менее всего осознавалась ее жертвами в качестве катастрофы.

Нравственная катастрофа

Одним из тяжелейших нравственно-этических последствий распространения идеи «смерти» Бога стали повсеместные и массовые попытки стереть границы между добром и злом, уничтожить абсолютные критерии различий дозволенного и недопустимого. Между тем Библия говорит о том, что среди разнообразных дарований, которыми Бог наделил человека, одно из самых важных и ценных — это «способность распознавать духов» (1 Кор. 12, 10), в том числе духов добра и духов зла. Верно ориентироваться среди сложнейших смещений добра и зла, безошибочно отделять одно от другого необходимо, чтобы становиться на сторону добра и твердо противостоять злу. Однако это обстоятельство не помешало Ницше дать одному из своих главных сочинений довольно странное название «По ту сторону добра и зла». Понять его истинный смысл не так легко, поскольку он разительно отличается от всего того, чему учат человека библейское Слово и духовно-нравственный опыт тысячелетий. Книга Ницше содержит, в сущности, программную декларацию отказа от сформулированной апостолом Павлом идеи различения добра и зла. Рассудок философа явно пренебрегает подобными различениями и уходит от них в некую воображаемую, внеэтическую реальность, чтобы назад уже не вернуться.

Возникает резонный вопрос: для чего это ему потребовалось, какую цель он преследовал? Чтобы ответить на него, необходимо вспомнить, что на протяжении длиннейшей череды веков главная задача социализации, инкультурации, библейско-христианского духовно-интеллектуального просвещения и нравственно-этического воспитания заключалась в том, чтобы ввести разум взрослого человека в тонкости аксиом, правил и принципов высшей духовно-нравственной математики с ее ясными, недвусмысленными критериями четкого и твердого отделения добра от зла. Незнание этих правил, пренебрежение этими критериями способны оборачиваться состояниями душевного беспорядка, внутренней аномии, интеллектуальной мешанины, субъективного хаоса, когда человек превращается либо в беспринципного циника и злодея, либо в духовно аморфное существо, социальный «овощ», незамысловатое политическое животное, которое легко поддается малейшему внешнему давлению любых сил.

Нищевская формула «по ту сторону добра и зла» фактически выводит человека за пределы не только библейских критериев различения этических противоположностей, но и вообще в докультурную, доморальную, животнo-звериную реальность, где данное различие не работает. Не случайно Ницше назвал протагониста своей философской программы «белокурый зверем», который добру и злу внимает равнодушно и которому все равно — совершить преступление или подвиг, убить человека или спасти его.

Философ придает легитимность двум типам реальности. Одна из них — это полная неразбериха, хаос из разнопропорциональных смещений добра и зла, внутри которых преобладает наивное сознание «политических животных», моральных идиотов, не имеющих ясных оценочных критериев и неспособных к взвешенным рефлексиям и мудрому выбору. Другая — демоническая реальность абсолютного имморализма, субъекты которого стремятся вообразить себя находящимися по ту сторону Божьего и человеческого, здравомыслия и безумия, добра и зла. Это может продолжаться до тех пор, пока удары бича Божьего не потрясут их до такой степени, что они лишатся разума, подобно библейскому царю Навуходоносору и Фридриху Ницше, и будут брошены на дно земной жизни, где действительно окажутся по ту сторону всего человеческого.

Перемещение «по ту сторону» добра и зла — это не прыжок в свободу, а провал в пустоту нечеловеческого, слишком нечеловеческого, то есть inferнального, демонического. Подобное онтологическое одиночество похоже на пребывание среди безжизненных льдов и убийственной стужи.

«По эту сторону», то есть там, где пребывают добро и зло, явственно ощущается присутствие Бога. Его можно признавать или не признавать, но Он бытийствует, несмотря ни на что. Однако та реальность, которую Ницше назвал территорией, располагающейся «по ту сторону добра и зла», — это воображаемое нечто, где Богу нет места. По крайней мере, так считал сам Ницше. На самом деле Бог, конечно же, присутствует везде, но человек может при помощи воображения создать некий виртуальный ареал, где Богу отведена роль «третьего лишнего», то есть где будут зарезервированы места только для человека и дьявола. Однако самым удивительным является то, что этот виртуальный мир с «умершим» Богом способен опредмечиваться, овеществляться в бесконечном разнообразии форм зла. В XX веке он материализовался в большевизме и фашизме, этих дьявольских, демонически-мефистофельских вотчинах фаустовского человека в его русской и немецкой версиях, способных творить ад уже на земле.

Считать себя находящимся по ту сторону добра и зла, истины и лжи, любви и ненависти означает носить внутри своего «я» глубинное равнодушие и к добру, и к злу, и к истине, и к лжи, и к любви, и к ненависти. Подобное нежелание различать противоположности можно объяснить полной атрофией тех нравственно-этических оценочных механизмов, которыми Бог обустроил человеческое «я». Жертвы подобной атрофии ведут себя в духовном отношении как камни, неодушевленные предметы или

мертвецы. Это одна из самых поразительных аномалий, превращающих живые души в души мертвые. Объяснять ее можно множеством причин. Но главная из них заключается в том, что для такой души Бог умер. Не сознавая всей степени трагизма возникшей экзистенциальной ситуации, эти души не дают себе отчета в том, что и сами они умерли, наполнившись внутренним смертным холодом, ледяным равнодушием ко всем Божьим и человеческим ценностям. Их наполняют взаимоисключающие антитезы, и они готовы в одно и то же время утверждать, что все что угодно имеет право на существование и все что угодно, включая Бога, добро, истину, справедливость, достойно смерти.

Ницше только с виду напоминал пылающую печь, пышущую пламенным философским красноречием. Но в действительности это был человек-рефрижератор, замороженный дьяволом и распространявший вокруг себя ледяной холод тотального равнодушия. Называя себя динамитом, настаивая на взрывной силе своих идей, он обозначил только первую фазу своей демонической миссии — глобальный ядерный взрыв в философии и культуре фаустовского мира. Но за ней с необходимостью должна была последовать вторая стадия, имеющая вид будущей духовной, интеллектуально-нравственной ядерной зимы, когда появятся сотни миллионов людей, способных жить, «добру и злу внимая равнодушно». Они будут разглагольствовать, подобно русскому ницшеанцу Валерию Брюсову:

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Хотелось бы возразить автору не слишком глубокой книги «Ницше и христианство» (М., 1994) Карлу Ясперсу на его утверждение, будто попытки Ницше примирить противоположности сродни примирительной силе Благой Вести. Возникает вопрос: может ли быть, скажем, в желании русского поэта-ницшеанца равно прославить и Господа, и дьявола что-нибудь такое, что породило бы его намерение с Благой Вестью? А если нет, то почему же Ясперс в ответ на аналогичное вопрошание относительно Ницше отвечает «да»? Похоже, что здесь дает знать о себе влияние все того же распространяющегося холодного демонического равнодушия, легко проникающего в ничем не защищенное от него секулярное сознание европейских интеллектуалов. Томас Манн, в отличие от Ясперса, не только ясно сознавал это, но и передал свое понимание данного феномена средствами художественной образности: в «Докторе Фаустусе» от черта, явившегося литературному двойнику Ницше, композитору Адриану Леверкюну, исходит физически ощутимый ледяной холод, имеющий неземную, нечеловеческую природу. Более того, самого Адриана также повсюду сопровождает тот же мистический холод,

Подмороженность, а в самых тяжелых случаях и полная замороженность нравственного сознания делает его нечувствительным не только к самым одиозным проявлениям вседозволенности, злого умысла или разрушительной абсурдности, но и к картинам чьих-либо страданий, к самому духу классической теодицеи. Времена Ивана и Алеши Карамазовых, не находивших себе места из-за «слезинки ребенка», замученного ради общего блага, давно канули в прошлое. Их литературных правнуков мало зани-

мают и слабо волнуют миллионы жизней и судеб, сброшенных в котлованы и печи имперских вавилонских башен. Нынешние «русские мальчики» вылеплены из другого теста, существуют в совершенно иных моральных координатах, позволяющих бестрепетно принимать прагматические стратегии по одомашниванию зла и привитию любви к нему, по приручению демонов, инфернализации культуры и превращению ее в демонодицею. Они располагают большими пустующими площадями ума и души и готовы сдавать их вместе с собственными экзистенциями в аренду различным видам зла, в том числе самым темным, откровенно инфернальным. В философском суде человека над Богом-Отцом они уже давно на стороне первого. Именно они отдали и продолжают отдавать свои голоса за «смерть» Бога. И при этом они не хотят видеть, как из их жизни одно за другим исчезают Божьи благословения. Они не хотят задумываться над глубинными причинами того, почему несбыточными сказками стали мир и безопасность, почему невиданные, глобальные антропогенные катастрофы ломают судьбы и уносят жизни миллионов. Они не желают замечать прямых связей между собственным мятежом против Бога и превращением своей жизни в подобие пребывания на обреченном «Титанике», уже ударившемся о ледяную скалу богоотрицания и получившем роковой разлом, сквозь который к нему ринулись потоки зла, силы дьявола и смерти. Более того, когда на них обрушиваются очередные волны тяжелых испытаний, горестных потрясений, катастрофических бедствий, они готовы обвинять в немилосердии и жестокости именно Бога, Который на некоторое время необъяснимым образом оказывается в их глазах живым. Их негодующие и совершенно бессмысленные возражения сводятся к тому, что Бог вполне мог бы создать систему более щадящих условий и обстоятельств. Глина, сомневающаяся в благости и премудрости Горшечника, пытается учить Его, стремится навязать Ему ту модель действий, которая ее больше устраивает. При этом не принимается во внимание, что в сфере Божьего порядка нет места человеческому произволу и безответственности, что нерадивым ученикам неразумно винить наказавшего их строгого учителя, как водителю автомобиля бессмысленно винить строгость правил дорожного движения и возмущаться тем, что платой за нарушение, скажем за выезд на встречную полосу, становится смерть нарушителя.

Мир медленно превращается в мертвый дом, в дом умирающей веры. Западное христианство, раскормленное чередой тучных лет, не устоявшее под дерзким натиском бесцеремонного фаустианства, раздобрело и впало в состояние неодолимой духовной дремоты. Страшась лишений и страданий, вялое, робкое, пугливое, оно попало в ловушку внешнего благополучия и переживает процесс медленной атрофии своего духа. Оно демонстрирует неразборчивую толерантность по отношению к любым видам зла, впадает то в плотско-угодническую теологию процветания, то в апологетику безбрежного феминизма, то в защиту грязи однополых браков. Ему чужд внутренний драматизм теодицеи. Оно не способно к серьезным разговорам о Боге, а если и решается на них, то исключительно в ключе либо герменевтики подозрительности, либо же патетики судебных обвинений.

В результате глобальная нравственная катастрофа обретает вид резкого углубления тотальной аномии и широчайшего распространения в массах агрессивных и депрессивных умонастроений. Вместо ожидаемого торжества гуманизма приходит время триумфа зла с его апофеозами всего бесчеловечного, демонического, бесовского. Заявляет о себе феномен солипсизма: человек, оставшийся в обезбоженном мире наедине с собой, со своим подпольем, обречен постоянно наталкиваться на его содержимое, то есть на самого себя, ударяться об острые углы собственного «я». Он как будто оказывается внутри замкнутой комнаты кривых зеркал, где на него отовсюду смотрят искаженные образы его самого. Это дробящееся множество наседаящих аутофантомов свидетельствует не о дивном царстве безмятежной свободы, но о пребывании в зеркальной клетке действующей духовной тюрьмы.